ПОЛОЖЕНІЕ ИНОВѢРІЯ

ВЪ РОССІИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Дм. Цвѣтаева

ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское Предмѣстье, № 3.

1904.

УК
1417

Съ дозволенія Духовной Цензуры.
Варшава, 20 декабря 1903 г.
Цензоръ, Каѳедральный Протоіерей П. Каллистовъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
808
63.

Оттискъ изъ Х.-Варш. Епарх. Вѣстн. за 1904 г.

Православіе въ русской исторической жизни. — Высочайшій манифестъ отъ 26 февраля 1903 г. о вѣротерпимости и основная его мысль.—Вѣроисповѣдное положеніе католиковъ и протестантовъ въ петербургскій и московскій періоды, свобода вѣроисповѣданія католиковъ въ древней Руси.—Сопоставленіе свободы иновѣрія въ Россіи и вѣротерпимости на Западѣ.—Выводы.

Свѣтъ Креста, водруженнаго въ Русской землѣ великимъ княземъ Владиміромъ Святымъ, съ того времени свѣтитъ въ ней непрерывно. Постепенно слившись съ существомъ Русскихъ людей и постоянно озаряя ихъ высшими, одухотворяющими идеалами, Православіе является важнѣйшею творческою силою ихъ быта, ихъ государственности; выдѣливъ изъ міра языческаго, оно сроднило ихъ съ людьми

Предлагаемый очеркъ представляетъ собою рѣчь, произнесенную 2 ноября 1903 года на торжественномъ открытіи Варшавскаго Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Подробно предметъ, въ главной его части, былъ первоначально раскрытъ авторомъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ: „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“ (М., 1886 г., IV+462+LIX стран.) и „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи Преобразованій“ (М., 1890 г., VIII+782 стран.). См. также труды проф. М. Е. Красножена, И. Андреевскаго, преосв. Макарія, проф. Е. Е. Голубинскаго и др.

міра христіанскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и охраняетъ ихъ въ независимости отъ иновѣрцевъ и, охраняя, учитъ снисходительному отношенію къ людямъ иныхъ вѣръ, иныхъ исповѣданій.

Верховный Блюститель православно - русскихъ идеаловъ еще въ настоящемъ году съ высоты Своего престола объявилъ: „Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо: укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣйно почитая Православную церковь первенствующею и господствующею, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженій по обрядамъ оной".

Многимъ, особенно на Западѣ, это Царское слово показалось новымъ по своимъ принципамъ, какъ бы отрицаніемъ и порицаніемъ прежняго; иные увидѣли было въ немъ даже ступень къ уравненію иновѣрія съ Православіемъ, поворотъ къ „свободѣ" отклонять и отклоняться въ чуждыя вѣрованія. Даже въ русской печати приходилось читать, что у насъ долженъ бытьтеперь ,,выходъ только одинъ. Для укрѣпленія правды въ Русской землѣ надо, прежде всего, очистить отъ посторонней примѣси въ самыхъ основныхъ законахъ чистые завѣты вѣротерпимости, начертанные въ нихъ. Желательно было бы замѣнить въ статьѣ 45 выраженіе „по закону и исповѣданію праот-

цевъ своихъ" словами „по вѣрѣ и исповѣданію совѣсти своей" или другими, имъ равнозначущими. Всѣ остальныя перемѣны, законодательныя и административныя, тогда послѣдуютъ сами".

Однако въ русской же печати разъяснялось, что манифестъ 26 февраля настоящаго года напоминаетъ намъ, что вовсе не въ этомъ заключается истинная вѣротерпимость, завѣты которой „начертаны въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской": эти законы предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Русскаго Царя инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженій по обрядамъ оной, но тѣ же законы „благоговѣйно почитаютъ Православную церковь первенствующею и господствующею", а слѣдовательно и имѣющею присвоенныя ей одной права и преимущества предъ другими исповѣданіями.

Свобода каждаго инаго исповѣданія подъ условіемъ непарушенія правъ господствующаго Православія—вотъ, безспорно, основная идея послѣдняго манифеста, и эта мысль у насъ постоянная, а по отношенію къ западному иновѣрію она съ опредѣленностію, не допускающею перетолкованій, выражена и уставлена въ первые же годы появленія у насъ католиковъ и протестантовъ. Что́ бы ни говорили по адресу Россіи, какъ бы ни кичился Западъ своей культурой и религіозной свободой, но именно Россіи первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія вопроса и установки дѣла объ иновѣріи.

Приведемъ же рядъ соотвѣтственныхъ установленій, свидѣтельствъ и фактовъ, постепенно идя въ глубь вѣковъ.

Основные государственные у насъ законы о вѣрѣ, на которые указываетъ Государь въ Своемъ манифестѣ, гласятъ: „Первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть Христіанская Православная Каѳолическая Восточнаго исповѣданія (40 статья). Всѣ, не принадлежащіе къ господствующей Церкви подданные Россійскаго государства, природные и въ подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ россійской службѣ, или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной (44 ст.). Свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ: да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы Имперіи" (45 ст.).

Хорошо извѣстно, какія широкія права католичеству и лютеранству предоставлялъ императоръ Александръ I въ присоединенныхъ при немъ царствѣ Польскомъ и вел. княжествѣ Финляндскомъ. Извѣстно также, какъ энергично выражалась Екатерина Великая о свободѣ всѣхъ вѣръ и исповѣданій въ ея царствѣ между ея подданными, и одинъ изъ писателей ея времени свидѣтельствовалъ: „Благодушіе импера-

трицы къ католикамъ превзошло все, что́ можно ожидать отъ государыни, не принадлежащей къ римско-католической вѣрѣ... Если же Римъ этого не чувствуетъ, то онъ предъ цѣлымъ свѣтомъ доказываетъ свою неблагодарность: римско-католики въ Бѣлоруссіи столь же свободны въ дѣлахъ вѣры, какъ католики въ Албанумѣ и Фраскати". Между тѣмъ въ той же Бѣлоруссіи притѣсненія православныхъ католиками не прекращались даже и послѣ раздѣла Польши. „Нынѣ увѣдомляемся, говорится въ указѣ конца XVIII в., что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей Православныя греко-россійскія церкви, и не токмо тайно внушеніями, но даже и насильственно отторгаютъ отъ Церкви сей людей, добровольно къ ней прилѣпившихся, обращая ихъ къ уніатству".

Великій Петръ, въ своемъ Ништадтскомъ трактатѣ, обѣщалъ, что въ уступленныхъ Швеціею къ Россіи провинціяхъ „жителямъ ихъ не будетъ никакого принужденія въ совѣсти; евангелическая вѣра, церкви и школы будутъ содержаны, какъ прежде были подъ шведскимъ владѣніемъ"; однако и уставлялъ, что „Греческая вѣра впредь свободно и безъ помѣшанія въ оныхъ такожде отправлена быть можетъ". Призывая западноевропейцевъ на службу въ Россію, онъ объявлялъ въ своемъ указѣ 16 апрѣля 1702 года, отправленномъ за границу: „Попеже

здѣсь въ столицѣ нашей (Москвѣ) уже введено свободное отправленіе богослуженія всѣхъ другихъ, хотя съ нашею Церковію не согласныхъ, сектъ; того ради оное симъ подтверждается, такимъ образомъ, что Мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей".

И со времени Петра, за весь Петербургскій періодъ, свобода инославныхъ исповѣданій даже какъ-то особо подчеркивается у насъ. Наиболѣе наглядной иллюстраціей сего служитъ то, что въ новой столицѣ Россіи, на главной ея улицѣ, Невскомъ Проспектѣ, парадно стоятъ церкви англиканская, лютеранская и католическая, и на томъ же Проспектѣ, на всемъ протяженіи его чуть ли не въ цѣлыхъ четыре версты, стоитъ всего одна недомовая православная церковь, внѣшнею архитектурою напоминающая римскій соборъ Петра, массивный Казанскій соборъ.

Но и Петръ не вводилъ тутъ чего-либо совершенно новаго. Въ своей реформаторской дѣятельности онъ не измѣнялъ основъ русской жизни, его реформа въ существенныхъ своихъ свойствахъ предрѣшалась вѣковою практикою Московскаго государства, которая предрѣшала и предоставленіе религіозной свободы западноевропейцамъ. Не даромъ же свои слова манифеста о свободѣ вѣры Петръ начинаетъ указаніемъ на существовавшее уже въ Москвѣ.

Олеарій, наблюдательный современникъ Алексѣя Михайловича и Михаила Ѳедоровича, записалъ: „Москвитяне терпятъ всякаго рода исповѣданія и охотно ведутъ дѣла съ разными народностями... Русскіе охотно терпятъ въ своей странѣ лютеранъ и кальвинистовъ, равно какъ и отправленіе ихъ богослуженія. Католики же или паписты до сихъ поръ еще мало пользуются ихъ расположеніемъ... Вообще же не слышно, чтобы Русскіе насильственно кого обращали въ свою вѣру и, напротивъ, каждому они предоставляютъ свободу совѣсти, хотя бы это были ихъ подданные или рабы... Всякаго же, добровольно обращающагося въ ихъ вѣру, они охотно принимаютъ".

Въ Андрусовскомъ договорѣ (1666 г.) Алексѣя Михайловича съ польскимъ королемъ устанавливалось, что жители уступленныхъ отъ Польши городовъ „свободно могутъ имѣть употребленіе вѣры католической безъ всякаго въ отправленіи богомолія своего въ домахъ своихъ затрудненія". По Веліесаріевскому договору (25 дек. 1658 г.) жителямъ шведскихъ областей, оставшихся подъ русскимъ владычествомъ, государь обѣщалъ „ихъ богомолья не отнимать, но чтобъ имъ имѣть свои попы и церковную службу, по ихъ вѣрѣ и безъ помѣшки".

Та же безпрепятственность вѣроисповѣданія была и въ XVI вѣкѣ.

Когда посолъ королевы Елизаветы къ царю Ѳедору Ивановичу ходатайствовалъ (1587 г.) о новольности англійскимъ торговымъ людямъ жить въ Россіи „по своей вѣрѣ и въ своемъ законѣ", то ему было сказано: „государю нашему, великому государю ца-

рю и великому князю, до ихъ вѣры и дѣла нѣтъ: многихъ вѣръ люди живутъ въ государя нашего государствѣ, а никоторыхъ государь отъ вѣры ихъ отводить не велитъ, всякой живетъ въ своей вѣрѣ; также и турскіе и аглинскіе гости, и цесаревы области, и францовскіе, и гишпанскіе и иныхъ государствъ гости, которые ни пріѣзжаютъ въ государя нашего государство, и тѣ всѣ живутъ въ своихъ вѣрахъ, а отъ вѣры ихъ не отводятъ, кто какъ хочетъ, тотъ такъ и живетъ по своей вѣрѣ".

При опредѣленіи правъ жителей завоевываемыхъ сѣверозападныхъ областей, царь Иванъ Васильевичъ Грозный объявлялъ (1558 г.) сдавшимся жителямъ Дерита: „граждане дерптскіе остаются при своей религіи аугсбургскаго исповѣданія безъ всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея; церкви ихъ со всѣми принадлежностями остаются какъ были, равно какъ и школы ихъ"; въ условіяхъ (1570 г.) съ ливонскимъ королемъ Магнусомъ, женатымъ на двоюродной племянницѣ Грознаго, сохраненіе аугсбургскаго вѣроисповѣданія обѣщано для всей Ливоніи.

На просьбы о томъ, чтобы наше правительство замѣнило въ Москвѣ „магистровъ люторскихъ нѣмецкихъ" священниками вѣры римской, которые будутъ нѣмецкіе же (какъ будто это одно и то же!), и допускало иноземныхъ купцовъ пріѣзжать съ своимъ духовенствомъ „вѣры католической", папскій посолъ Антоній Поссевинъ получилъ отъ Грознаго въ отвѣтъ: „римлянамъ, венеціанамъ и цесаревой области торговымъ людямъ въ Московское государство

пріѣзжать и торговать повольно и попамъ съ ними ихъ вѣры ѣздить воля безо всякаго возбраненія, только имъ ученія своего не плодить и костеловъ имъ въ государствѣ Московскомъ не ставить, каждый въ своей вѣрѣ да пребываетъ, и грамотою утверждать не для чего,... а что̀ Антоній говоритъ о люторахъ, то въ Россійскомъ государствѣ всякихъ вѣръ люди многіе живутъ, и своимъ обычаемъ, и къ Русскимъ людямъ не пристаютъ, а хотя бы кто и похотѣлъ пристати, и того тому чинить не попускаютъ".

Этотъ отвѣтъ и политика Грознаго стали, въ отношеніи къ западному иновѣрію или инославію, прототипомъ политики всѣхъ послѣдующихъ московскихъ государей, а въ своемъ принципѣ предоставленія большей свободы въ отправленіи общественнаго вѣроисповѣданія протестантамъ предъ католиками служили прототипомъ и политики русскаго правительства и за Петербургскій періодъ.

Первоначально протестанты совершенно незамѣтно смѣшивались въ Москвѣ съ прежними западными пришельцами и никѣмъ не были отличаемы отъ ихъ предшественниковъ. Но съ тѣхъ поръ какъ въ ней подмѣтили вѣроисповѣдную и національную розни между западными пришельцами, т. е. со времени Грознаго, практическія нужды побудили отдать предпочтеніе людямъ германскаго племени, принадлежавшимъ къ протестантскому вѣроисповѣданію. Католичество было ближе къ Православію, это сознали въ Москвѣ, и въ догматическомъ отношеніи ставили его выше протестантства; но за то религіозная даль протестантовъ сокращалась иными условіями. Подъ воз-

буждающимъ дѣйствіемъ реформаціи, они оказались предпріимчивѣе католиковъ, въ Москву они являлись въ бо́льшемъ числѣ и лучше приноровлялись здѣсь къ мѣстнымъ условіямъ и требованіямъ, оказывались болѣе полезными. Собранные и собравшіеся изъ разныхъ мѣстъ, главнымъ образомъ сѣверо-западной Европы, принадлежа къ самымъ разнообразнымъ религіознымъ толкамъ и не имѣя такого руководителя, какъ католики папу и іезуитовъ, протестанты менѣе католиковъ вторгались въ мѣстную религіозную и политическую жизнь, менѣе ревновали о вѣроисповѣдной пропагандѣ и, стоя въ сторонѣ отъ польско-литовскаго дѣла, многіе изъ нихъ искреннѣе служили сподручнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ католической Польшей, тогда еще слишкомъ тяжелой для Россіи. И потому въ Московскомъ государствѣ „нѣмцы"-протестанты вскорѣ весьма превзошли своихъ соперниковъ и количественно, и въ гражданскихъ, и въ вѣроисповѣдныхъ льготахъ.

Неприкосновенностію л и ч н а г о вѣроисповѣданія пользовались въ Московскомъ государствѣ одинаково всѣ западные пришлые люди, какъ католики, такъ и протестанты: тутъ каждый пребывалъ въ своей вѣрѣ безъ всякаго возбраненія, безъ стѣсненій; въ степени же свободы и удобствъ отправленія богослуженія льготы и благопріятныя условія были на сторонѣ протестантовъ. За исключеніемъ эпохи самозванцевъ, когда вторгшіеся католики почти хозяйничали въ Русской землѣ и на мгновеніе пооттерли было протестантовъ, наше правительство, не стѣсняя католиковъ въ вѣрѣ, не дозволяло имѣть имъ ни костела,

ни іезуитовъ, а послѣ Междуцарствія нѣкоторое время, главнымъ образомъ изъ-за борьбы съ Польшей, не находило возможнымъ допускать сначала и вообще всѣхъ лицъ этой вѣры. Католическая община въ Москвѣ снова стала замѣтно заявлять о себѣ лишь послѣ присоединенія Малороссіи, и о дѣйствительной постройкѣ перваго костела въ подмосковной Нѣмецкой слободѣ могла быть рѣчь лишь къ концу XVII вѣка, въ 1694—1695 годахъ. Въ противоположность этому, пасторовъ и кирки, хотя и испытывавшихъ на себѣ превратность судьбы, за все разсматриваемое время дозволялось въ Московскомъ государствѣ имѣть протестантамъ почти безпрерывно, причемъ первая московская лютеранская церковь получила свое начало при томъ же Грозномъ, который такъ рѣшительно отказалъ въ томъ католикамъ.

Первая протестантская церковь была выстроена въ 1576 году, въ подмосковномъ иноземномъ предмѣстьѣ, Нѣмецкой слободѣ. Смутная эпоха смела и Нѣмецкую слободу, и кирку; но поселеніе иноземцевъ, послѣ этой эпохи, въ предѣлахъ Москвы повело къ построенію нѣсколькихъ кирокъ: появились три лютеранскихъ церкви и одна реформатская. Съ основаніемъ Ново-Иноземской слободы, въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича, и выселеніемъ въ нее всѣхъ московскихъ иноземцевъ, переносятся туда и кирки или строятся новыя, на участкахъ земли, отмежеванныхъ правительствомъ для пасторовъ. Получаютъ устойчивость двѣ лютеранскихъ церкви—„Старая" и „Новая"—и одна реформатская, съ груп-

пирующимися около нихъ особыми общинами, приходами, и всѣ эти три кирки къ концу XVII вѣка одна за другой перестраиваются въ каменныя, чему тогда, въ интересахъ окончательнаго укрѣпленія положенія протестантства, придавали особую важность. Кромѣ Москвы, протестантскія церкви были еще въ Нижнемъ Новгородѣ, Архангельскѣ и на желѣзныхъ заводахъ близъ Тулы. Нижегородская лютеранская церковь получила свое начало въ концѣ царствованія Грознаго; остальныя во второй половинѣ XVII в.; тогда же заводятъ себѣ постоянныхъ пасторовъ и военнослужилые иноземцы въ Бѣлъ-городѣ. Пасторы при войскахъ получали казенное жалованье, отправлявшіеся по дѣламъ церковнымъ къ служилымъ иноземцамъ возились иногда на казенныхъ подводахъ.

Всѣ эти и подобные факты вѣротерпимости въ Московскій періодъ въ Россіи, отъ Грознаго до единодержавія Петра, пріобрѣтаютъ особую историческую цѣнность, если ихъ сопоставить съ тѣмъ, какъ въ ту пору была обезпечена религіозная жизнь на Западѣ.

На начало даннаго періода падаютъ тамъ такія событія: въ Германіи нѣмецко-протестантскіе князья ведутъ войны противъ императоровъ за полученіе и удержаніе религіозныхъ и гражданскихъ правъ, въ Великобританіи Генрихъ VIII воюетъ за епископальный протестантизмъ съ подданными католиками, одна его дочь, Марія, казнитъ протестантовъ, другая дочь, Елизавета, воздвигаетъ гоненіе противъ католиковъ и всѣхъ протестантскихъ диссидентовъ, въ Швеціи—Стокгольмская кровавая ба-

ня, во Франціи виднѣется кровавое зарево Варооломеевой ночи, и т. д., и т. д.; на средину періода падаетъ Тридцатилѣтняя война съ тѣми же, какъ и прежде, огульными сожженіями протестантскихъ или католическихъ книгъ и церквей; на конецъ— изгнаніе гугенотовъ, которые вскорѣ получаютъ приглашеніе (1689 г.) прибыть въ Московское государство.

При наличности этихъ и такихъ событій, изъ которыхъ многіе достаточно хорошо были извѣстны въ Москвѣ, положеніе иновѣрія въ Московскомъ государствѣ тѣмъ еще болѣе важно, что наши государи, дозволявшіе свободу иновѣрію и выдававшіе религіозныя привилегіи, имѣли много основаній быть недовольными отношеніями къ русскимъ церквамъ со стороны особенно нашихъ западныхъ сосѣдей. За весь этотъ періодъ нельзя было, какъ справедливо жаловался патріархъ Іоакимъ, соорудить на Западѣ ни одной православной церкви. Царь Грозный указывалъ, датскому королю, что „люди Ливонской земли ...въ Ригѣ церковь нашу во имя Николы Чудотворца, гридню и палаты отдали литовскимъ попамъ и купцамъ, въ Юрьевѣ (Дерптѣ) церковь Николы Чудотворца разорили, копюшню на томъ мѣстѣ поставили юрьевцы, а улицами русскими, палатами и погребами юрьевцы сами завладѣли". Михаилу Ѳедоровичу и его сыну причиняли слишкомъ много заботъ притѣсненія въ вѣрѣ, испытываемыя русскими людьми въ Ливоніи и въ Новгородскихъ областяхъ, отошедшихъ къ Швеціи по Столбовскому договору; напрасно старались о послѣднихъ и новгородскіе

владыки: все православное изводилось, уничтожалось лютеранскими властями и правительствомъ систематически. Наканунѣ своей смерти Алексѣй Михайловичъ снаряжалъ къ шведскому королю посольство, между прочимъ, съ жалобой на коронныхъ и городскихъ властей города Ревеля, которыя церковь Николая Чудотворца, издавна утвержденную мирными договорами за государевыми подданными, держатъ въ „неволѣ" и не пускаютъ въ нее на молитву.

А что̀ дѣлалось пришлымъ католичествомъ по отношенію къ Православію въ Литвѣ, Западной и Юго-Западной Руси, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, это уже достаточно разъяснено въ наукѣ, и для иллюстраціи положенія православнаго населенія припомнимъ, прежде всего, рѣчь, произнесенную на Варшавскомъ сеймѣ 1620 г. западнорусскимъ депутатомъ Лаврентіемъ Древинскимъ (чашникомъ Волынской земли и членомъ Виленскаго братства):

„О, Боже, кому неизвѣстно, коль великія притѣсненія терпитъ народъ Русскій въ отношеніи своего благочестія. Начну съ Короны (т. е. Ю.-Зап. Руси, присоединенной къ Польской Коронѣ). Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, содержатъ скотъ. Перейдемъ къ великому княжеству Литовскому: тамъ то же самое дѣлается въ городахъ, пограничныхъ съ Московскимъ государствомъ. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатаны, священники разогнаны; въ Пинскѣ то же; Лещинскій монастырь обращенъ въ питейный домъ. Вслѣдствіе сего дѣти умираютъ безъ крещенія; тѣла покойниковъ

вывозятся изъ городовъ, какъ падаль, безъ церковнаго обряда; не имѣя брачнаго благословенія, народъ живетъ въ непотребствѣ; люди умираютъ безъ исповѣди и пріобщенія Св. Тайнъ". „А что́ дѣлается во Львовѣ? Кто Греческаго закона и не склоняется къ уніи, того тѣснять изъ города, не принимаютъ ни въ купечество, ни въ ремесленные цехи. Въ Вильнѣ для православнаго покойника запираютъ городскія ворота (въ которыхъ невозбранено ѣздить жидамъ и татарамъ), и его должны выносить въ такое отверстіе, черезъ которые вывозятъ только нечистоты. Православныхъ монаховъ хватаютъ, бьютъ и заключаютъ въ оковы. На гражданскіе уряды не допускаютъ людей достойныхъ и ученыхъ, а наполняютъ ихъ (латинами и уніатами) хотя бы глупцами и невѣждами". „Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ и на каждомъ сеймѣ мы умоляемъ съ горькими слезами, но не можемъ добиться, чтобы намъ сохранили наши права и вольности". „Если же и на этомъ сеймѣ не послѣдуетъ исправленія столь тяжкихъ золъ, то принуждены будемъ возопить съ пророкомъ: *суди ми, Боже, и разсуди прю мою*".

Но подобные протесты обыкновенно были голосами, вопіющими въ пустынѣ: тяжкіе удары, притѣсненія все увеличивались, а православная часть населенія уже и къ этому времени очень ослабѣла въ своемъ государственномъ и общественномъ положеніи. Еще нѣсколько ранѣе извѣстный Мелетій Смотрицкій въ своемъ „Θриносѣ", изданномъ въ 1610 г. на польскомъ языкѣ въ Вильно, указывалъ, отъ лица Православной церкви, какія уже и

тогда потери она понесла въ лицѣ видныхъ ея членовъ, ушедшихъ въ католичество: „Гдѣ тотъ безцѣнный камень, который я между иными перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на главѣ моей? Гдѣ домъ князей Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоцѣнные камни той-же короны: князья Слуцкіе, Заславскіе, Вишневецкіе, Збаражскіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчинскіе, Красинскіе, Масальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и прочіе, которыхъ перечислять было бы слишкомъ долго? Гдѣ и иныя мои драгоцѣнности —гдѣ древніе, знатные, мощные, въ цѣломъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестію: Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи?”

На глазахъ современниковъ краснорѣчиваго „Плача” Смотрицкаго происходили такія грустныя потери. У большинства этихъ фамилій современники еще знали отцовъ и дѣдовъ, которые служили славными представителями и борцами Православія, а внуки и дѣти ихъ уже были чужды ему или даже нерѣдко и врагами его. Знатные и дворянскіе роды, подъ вліяніемъ нудящихъ условій жизни и школьнаго іезуитскаго воспитанія и обученія, чаще переходили прямо въ католичество, примыкая къ польскимъ

магнатамъ и шляхтѣ, горожане же во многихъ мѣстахъ чаще дѣлались уніатами. А съ этимъ вмѣстѣ все сильнѣе и сильнѣе текли ограниченія, стѣсненія и лишенія православныхъ въ государственныхъ и общественныхъ правахъ и все болѣе и болѣе сгущалось бѣдственное матеріальное и нравственное состояніе, до котораго былъ доведенъ народъ, обращаемый, часто полунасильственно и прямо насильственно, въ католицизмъ или унію, или покидаемый въ пренебреженіи. Свою вѣру, свои народныя особенности Западная Русь могла сохранять только путемъ борьбы, пассивной и активной, и эта борьба, по справедливому еще сужденію историка С. М. Соловьева, составляла самую видную сторону въ отношеніяхъ этой Руси къ Польско-Литовскому королевству.

Въ своемъ поступательномъ движеніи къ Востоку католичество, со времени реформаціи успливъ свои пропангандическія попытки, учинило чрезъ Польшу прямо насильственный натискъ на Московское государство, въ эпоху возникшихъ въ немъ политическихъ и соціальныхъ смутъ.

Надо, непосредственно вчитавшись въ наши лѣтописи и записи, хотя на мгновеніе перенестись мыслью и чувствомъ въ ту пору и посмотрѣть глазами москвитянъ - современниковъ на то, какъ отряды самозванцевъ и Сигизмунда, приходившіе изъ-за польско-литовскаго рубежа и несшіе за собою католичество, часто совмѣстно съ казацкою вольницей уничтожали русское имущество и губили людей, какъ издѣвались надъ попадавшимися имъ русскими священниками, монахами и монахинями и,

по издѣвательствѣ, многихъ и убивали, какъ концунствовали надъ церковными облаченіями, сосудами, надъ иконами, особенно большими, мѣстными, почитаемыми, какъ „всякое скаредіе творяху" въ храмахъ, въ томъ числѣ и въ московскихъ кремлевскихъ соборахъ [1]); посмотрѣть на то, что огромное большин-

---

[1]) Группируя извѣстія первоисточниковъ, Костомаровъ такъ описываетъ обращеніе пришлыхъ отрядовъ не только съ простыми людьми и ихъ имуществомъ, но и со святынями церквей и съ монашествующими: „Нападутъ на монастырь, вымогутъ у монаховъ деньги, пытаютъ огнемъ, заставляютъ самихъ рубить дрова, мыть бѣлье, варить пиво, возить тяжести, чистить лошадей; подгоняютъ ихъ палками и толчками; разгулявшись вдоволь, для посмѣянія надъ ними заставляли монаховъ и монахинь пѣть срамныя пѣсни и плясать, а кто станетъ упрямиться, того нипочемъ было и убить. Къ соблазну благочестивыхъ, обдирали оклады съ иконъ въ церквахъ, брали чаши и утварь, клали на дискосы мясо, загоняли скотъ въ церкви, кормили собакъ въ алтаряхъ, изъ царскихъ дверей устраивали себѣ кровати, изъ священническихъ облаченій шили себѣ исподнія платья, и тѣми тканями, которыя были на плечахъ іереевъ Божіихъ, покрывали, говоритъ современникъ, себѣ заднія части тѣла; играли на образахъ въ карты или въ шапки, покрывали воздухами и пеленами лошадей; на большихъ мѣстныхъ иконахъ творили блудное дѣло съ женщинами" (Костомаровъ „Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія", т. II, стран. 197—198, въ „Историч. монограф"., Спб., 1868, т. V). По Рукописи Филарета (М. 1834, 48), въ Московскомъ Кремлѣ „на царьскомъ дворѣ, во святыхъ Божіихъ церквахъ, и въ палатѣхъ, и по погребомъ все стояху Литва и Нѣмцы, и все свое скаредіе творяху", такъ что отъ прежняго великолѣпія и убранства во дворцахъ остались

ство въ этихъ отрядахъ состояло не изъ поляковъ, а изъ такихъ западно-руссовъ, которые на столько уже поддались полонизаціи, что, по почину и подъ руководствомъ поляковъ-католиковъ, производили братоубійственное разрушеніе московскаго государственнаго и церковнаго строя; посмотрѣть, наконецъ, на то, что великіе московскіе послы, просившіе Владислава на престолъ подъ условіемъ принятія и сохраненія Православія, были, съ нарушеніемъ всякаго международнаго и людскаго права, взяты въ плѣнъ Сигизмундомъ, хотѣвшимъ сѣсть на московскимъ тронѣ и поведшимъ бы съ собою католичество съ іезуитами: надо, говорю, посмотрѣть на все это глазами современниковъ-москвитянъ—и тогда мы хотя отчасти поймемъ тотъ ужасъ, который охватилъ лучшихъ московскихъ людей при представленіи, что́ будетъ съ ними, со всѣми Русскими, съ Русью, что́ станется съ Православіемъ, если окончательно восторжествуютъ Польша и польскій-римскій католицизмъ!... Много условій и причинъ, что Московское государство устояло тогда,—причинъ этнографическихъ, бытовыхъ, экономическихъ, соціальныхъ и т. п.; много

почти одни стѣны и новому царю Михаилу Θеодоровичу сначала негдѣ было поселиться. Безсмысленно-жестокими неистовствами въ Смутную эпоху прославился особенно съ своимъ отрядомъ полковникъ Лисовскій, а Варшавскій сеймъ, подвергшій униженію плѣннаго царя Василія Шуйскаго, снялъ съ этого Лисовскаго, за его услуги въ московскомъ походѣ, его прежнее безславіе (проф. И. Н. Жуковичъ „Сеймовая борьба". Спб., 1903, 70—73).

было причинъ, что московская государственность выдержала тяжкія ея испытанія въ Смутную эпоху: но главное, что́, при видѣ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей, приподняло русскія силы, объединило и воодушевило ихъ, сообщивъ имъ непобѣдимость и творчество,—это свѣтъ Креста, водруженнаго въ Русской землѣ великимъ русскимъ княземъ Владиміромъ Святымъ. Грековосточное Православное вѣроисповѣданіе и самостоятельная Русская церковь, сдѣлавшіяся уже вполнѣ національными, оказали здѣсь государственности незамѣнимую услугу. Народъ возсталъ не столько на защиту національности, сколько за свою вѣру, за Православіе, которое тѣмъ самымъ помогаетъ Русскимъ спасти и свою народность, и государственность.

Въ Польско-Литовскомъ государствѣ русскіе православные люди, вынуждаемые гнетущими обстоятельствами, для противодѣйствія налегавшему католицизму вступали въ союзы съ мѣстными кальвинистами и лютеранами, объединяли свои интересы съ этими диссидентами: что́ же удивительнаго, что московскіе люди послѣ смутъ, при всемъ своемъ возбужденіи противъ всѣхъ западныхъ иновѣрцевъ, рѣшительно отдали на нѣкоторое время полное преимущество протестантамъ предъ католиками и предоставили протестантству наибольшую сравнительно свободу?! Отношенія къ католичеству смягчались и положеніе его поуравнивалось съ протестантствомъ по мѣрѣ того, какъ западный соперникъ дѣлался менѣе опаснымъ, какъ ослаблялась сила пропагандическихъ домогательствъ Рима и какъ все съ меньшими

и меньшими затрудненіями и препятствіями шло объединеніе, возвращеніе всего наслѣдія Владиміра Святого.

Однако и московское правительство, уставивъ для протестантовъ бо́льшую свободу вѣроисповѣданія сравнительно съ католиками, въ предоставленіи таковой религіозной свободы не было, какъ потомъ и Петръ I, совершеннымъ здѣсь новаторомъ. Протестанты получили съ избыткомъ почти лишь то, что́ предъ тѣмъ имѣли въ Москвѣ католики и что́ московское правительство нашло въ присоединенномъ Новгородѣ.

Пока Польша не сдѣлалась непосредственнымъ и усерднымъ исполнительнымъ орудіемъ къ религіозно-политическому подчиненію Московскаго государства и вообще русской народности, московское правительство не имѣло причинъ къ особенно строгому отношенію къ католичеству, и даже Грозный обѣщалъ еще Поссевину, чтобы западные купцы пріѣзжали въ Москву съ своими священниками вѣры римской. А въ Новгородѣ, когда онъ служилъ важнѣйшимъ пунктомъ сѣверо-восточной торговли ганзейскихъ городовъ, стояла, до половины XVI вѣка, на торговомъ Нѣмецкомъ дворѣ католическая церковь св. Петра, которая, помимо религіозныхъ цѣлей, служила главнымъ складомъ товаровъ. Въ силу значенія церкви для торговли, она составляла предметъ особой заботливости иноземныхъ купцовъ, которые сами не только не давали въ нее доступа Русскимъ, но и подвергали штрафу, кто по неосторожности показалъ бы имъ ключъ отъ нея.

Новгородъ подъ конецъ вошелъ въ составъ Московскаго государства, а въ раннюю пору онъ единился съ Кіевомъ. Руси же кіевской, домонгольской, князья стояли въ весьма живомъ, тѣсномъ общеніи съ Западомъ, почти въ такомъ, какое уставилось у насъ со времени Петра Великаго. Иные изъ князей владѣли нѣсколькими иностранными языками, три дочери Ярослава вышли замужъ, одна за короля шведскаго, другая за французскаго, третья за венгерскаго. Въ Кіевѣ и другихъ большихъ городахъ жило немалое количество людей латинской вѣры: воины, торговцы, ремесленники и т. п., изъ пріѣзжихъ иностранцевъ или осѣдавшихъ, принимавшихъ подданство. Лица эти пользовались свободой своей вѣры и богослуженія. Подъ Кіевомъ нѣкоторое время стоялъ доминиканскій монастырь, закрытый лишь, когда его братія начала было порицать Православіе.

Принятіе христіанства Владиміромъ Святымъ совершилось еще до раздѣленія церквей. Но и въ ту пору папа, представляя на Западѣ уже большую политическую силу и внѣдрившись въ число свѣтскихъ владыкъ, не считался въ Византіи доброкачественнымъ православнымъ. Онъ нѣсколько разъ присылалъ ко Владиміру своихъ пословъ, и весь Западъ былъ заинтересованъ въ подчиненіи Россіи латинству. Однако Владиміръ, какъ независимый князь восточной страны, съ замѣчательнѣйшею государственною чуткостью и проницательностью, принялъ крещеніе не отъ папы, а отъ Грековъ; христіанство Грековосточное онъ сдѣлалъ вѣрою и своего народа,

для крещенія и наученія котораго онъ призвалъ іерархію греческую. Послѣ окончательнаго отдѣленія церквей, происшедшаго въ 1054 году, папа сталъ для Грековъ отщепенцемъ, схизматикомъ, отлученнымъ отъ Вселенской церкви; такимъ онъ сдѣлался и для насъ, какъ оставшихся на сторонѣ Грековъ и вмѣстѣ съ ними. Понятны желанія и стремленія папъ привлечь къ себѣ русскихъ князей, Русскую церковь. Отсюда начинается у насъ особенная потребность обереганія себя отъ папства, отъ католичества. Создается у насъ соотвѣтственная литература Грековъ и самихъ Русскихъ. Въ поученіи, приписываемомъ преподобному Ѳеодосію Печерскому, дается наставленіе, какъ должно блюстися чужой вѣры, и въ обращеніи въ немъ къ кіевскому князю говорится:

„Ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого-либо нагимъ, или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію, — будетъ ли то еретикъ или латинянинъ, всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь: и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, Который питаетъ и православныхъ христіанъ, и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется... Когда ты встрѣтишь, что иноверные состязаются съ вѣрными и хотятъ лестію увлечь ихъ отъ правой вѣры: помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ, и ты избавишь овча отъ устъ львовыхъ".

Замѣчательно, какъ въ этомъ обращеніи инока къ князю настойчиво внушается снисхожденіе къ ино-

вѣрію и прямымъ орудіемъ борьбы противъ криво-вѣрія выставляются **познанія**. Сама Восточная церковь уставила и не перестаетъ въ своихъ храмахъ молиться о соединеніи церквей.

Между тѣмъ, въ западной церкви, послѣ отпаденія папы отъ православнаго Востока, все сильнѣе и сильнѣе шло омирщеніе, матеріализація католичества и совершенная узурпація власти папой, ведшія къ губительнымъ альбигойскимъ войнамъ, къ мрачной инквизиціи, къ ауто-да-фе, къ ужаснымъ казнямъ въ Прагѣ, къ тому, что всѣ Греки, духовные и мірскіе, искавшіе на Западѣ спасенія отъ бѣдствій на родинѣ и бѣжавшіе туда, вынуждались тамъ принимать католичество, подчиняться папѣ; въ тотъ періодъ начались и стали развиваться притѣсненія Православію и искорененія его въ западнорусскихъ областяхъ, по мѣрѣ подчиненія ихъ польскому вліянію и господству: на тотъ періодъ падаетъ уже политика папъ, что, убѣждаясь въ безуспѣшности склонить русскихъ князей къ латинству ласками и переговорами, они стали запрещать католическимъ государямъ всякіе союзы съ русскими князьями и возбуждать западныхъ государей на крестовые походы противъ Русскихъ.

Да, **Россіи первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о положеніи иновѣрія**, о правахъ иноземцевъ. Когда на Западѣ иноземецъ считался врагомъ, или, по крайней мѣрѣ, когда его личность и имущество составляли еще собственность новаго государства, и онъ не имѣлъ права завѣщанія, былъ лишенъ свободы даже личнаго вѣроисповѣданія, и т. п.,—древняя Русь не знала ничего подобнаго; въ

этомъ отношеніи не произошло коренныхъ видоизмѣненій и въ московскую пору, а въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣло развилось и значительно далѣе. Неприкосновенность личнаго вѣроисповѣданія католиковъ и протестантовъ, подъ условіемъ ненарушенія правъ Православія, всегда стояла у насъ прочно, чужія религіозныя формы оставлялись въ покоѣ, не допускалось насилія въ дѣлахъ вѣры. Отдавая преимущества протестантамъ предъ католиками, москвитяне свою вѣротерпимость къ служилымъ и жившимъ у насъ иноземцамъ простерли до того, что ихъ пасторы, если ими правилась прямая или косвенная служба государству, удостоивались иногда казенныхъ наградъ и содержанія. Такая вѣротерпимость выходила, разумѣется, не столько изъ теоретическихъ началъ, или изъ юридическихъ основаній свободы личности въ дѣлахъ вѣры: она обусловливалась свойственнымъ намъ гостепріимствомъ, снисходительностію къ иновѣрію Православія и, ближе всего, политико-экономическими и культурными потребностями государства, удовлетворявшимися при содѣйствіи полезныхъ иноземцевъ. Въ предоставленіи той или иной льготы на общественное богослуженіе, въ разрѣшеніяхъ постройки той или иной кирки и т. п., большею частію все шло отъ фактовъ, отдѣльныхъ случаевъ, ни мало не обязательныхъ для правительства на другихъ мѣстахъ и при другихъ условіяхъ: правительство постоянно сохраняло за собою полную свободу дѣйствій. Допускаемое на практикѣ и отчасти, въ видахъ политико-экономическихъ, покровительствуемое, иновѣріе въ смыслѣ государственно-

юридическомъ было въ сущности только дозволено. Съ Петра Великаго свобода личнаго вѣроисповѣданія и общественнаго богослуженія иновѣрцевъ, одинаково на пространствѣ всего государства, съ ненарушимостью основной системы допущенія иновѣрія въ предѣлахъ его безвредности для Православія, утверждается царскимъ словомъ, произнесенныхъ во всеуслышаніе, и укрѣпляется съ теченіемъ времени гласными, основными государственными законами.

Много и другихъ вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ и жизнью западнаго иновѣрія, возникаютъ и просятся на научное раскрытіе, выясненіе; но задача настоящей рѣчи — обосновать мысль, что свобода иновѣрія всегда была въ Россіи и что наиболѣе удовлетворительно она уставлена у насъ много ранѣе, чѣмъ въ мірѣ католическомъ или протестантскомъ.

И, оставляя другіе вопросы до дальнѣйшихъ бесѣдъ, я ничемъ не могу лучше заключить теперь свою рѣчь, какъ напомнить о словахъ послѣдняго манифеста, отъ 26 февраля сего года, напомнить о словахъ Грознаго Поссевину и привести завѣтъ изъ далекой кіевской Руси, Ѳеодосія къ кіевскому князю: „Ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ... Когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаютея съ вѣрными и хотятъ лестію увлечь ихъ отъ правой вѣры: помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ".